

несправедливости и жестокости, а вмѣстѣ съ тѣмъ я стала снова интересоваться тѣмъ, что услаждало меня въ дѣвичьи дни. Я серьезно принялась за музыку и въ короткое время стала первоклассной піанисткой. Но все это не нравилось Позднышеву, и его подозрительность, его жестокость увеличивались съ каждымъ днемъ, но я уже научилась смотрѣть на него совершенно равнодушно и не обращать вниманія на его постоянные упреки. Я хорошо помню, что однажды онъ отвернулся отъ меня и пробормоталъ сквозь зубы: „проклятая, она все хорошеетъ“. Я также помню, что эти слова возбуждали во мнѣ какое-то странное, радостное чувство; мнѣ было приятно знать, что хоть красоту во мнѣ не могъ уничтожить мой тиранъ. Такъ шла моя жизнь, когда неожиданно на сцену явился Трухачевскій, которому суждено было совершенно измѣнить ее. Всѣ мелкія подробности моего перваго свиданія съ нимъ ясно сохранились въ моей памяти. Я часто слыхала отъ Позднышева о немъ, но со времени нашей свадьбы онъ постоянно жилъ въ Парижѣ. Въ тотъ вечеръ, когда онъ впервые пріѣхалъ къ намъ, я была особенно хороша и послѣ его отъѣзда замѣтила это съ большимъ удовольствіемъ. Это